

© 1998 г. Н.В. ПЕРЦОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИНВАРИАНТА ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. I.

(Глагольное время в русском языке)

В настоящей работе речь пойдет о граммемах времени, на примере содержательного анализа которых будет продемонстрирована плодотворность постулирования семантического инварианта для грамлемы. Данному анализу будет предпослано общее обсуждение проблемы семантического инварианта значимой единицы языка. В последнем разделе статьи высказываются некоторые соображения по поводу эвристического характера лингвистических рассуждений.

I. О понятии семантического инварианта языковой единицы

Одной из характерных черт естественного языка, отличающих его от формальных искусственных языков (языков программирования, языков математических дисциплин, языка химии и т.п.), является неоднозначность его единиц на разных уровнях: неоднозначность аффиксов, корней, основ, синтаксическая неоднозначность предложения, множественность интерпретации одной и той же интонационной конструкции. Ярче всего неоднозначность проявляется в словарях, раскрывая которые, мы обнаруживаем лишь в редких случаях словарные статьи, содержащие одно значение описываемой вокабулы. При этом в подавляющем большинстве случаев при чтении словарной статьи неоднозначной вокабулы мы интуитивно воспринимаем некую общность, свойственную разным ее значениям и при этом зачастую не поддающуюся экспликации. Собственно, именно эта интуитивно воспринимаемая общность и служит оправданием описания разных лексических значений в рамках одной словарной статьи. В массовых словарях она не выступает в качестве объекта специального внимания лексикографа: вопрос об основаниях включения словарных фрагментов, соответствующих отдельным лексическим значениям, в единую словарную статью просто не ставится. Что касается теоретической лингвистики, автору настоящей работы известны только две концепции, в которых предусмотрены явные средства отображения общности разных единиц в составе вокабулы: концепция толково-комбинаторного словаря в модели "Смысл – Текст" И.А. Мельчука и Московская семантическая школа Ю.Д. Апресяна (см., например, [Mel'čuk et al. 1995; Мельчук 1995; СиИ–32 1991]); предполагается, что любые две единицы, входящие в одну вокабулу, должны быть связаны – непосредственно или посредством промежуточной цепи переходов – так называемых "семантических мостов" – общими нетривиальными семантическими компонентами, принадлежащими толкованиям или коннотациям соответствующих единиц.

Тем самым, в области лексики в теоретической лексикологии и лексикографии обнаруживаются определенные средства фиксации единства членов одной вокабулы¹. По-другому обстоит дело в области описания содержания грамматических единиц, в

¹ При этом семантические мосты, фиксируя принадлежность некоторого множества толкований к одной вокабуле, все же не задают в явном виде то, что нам хотелось бы считать семантическим инвариантом вокабулы, т.е. такой смысловой компонент, который распространяется на все единицы вокабулы и тем самым характеризует вокабулу как таковую.

частности – словоизменительных значений – (квази)граммем². Так, характерно то обстоятельство, что в работе [Апресян 1985], посвященной теоретическому осмыслению значений граммем, среди задач, встающих при исследовании этих значений (с. 63), задача выявления семантического инварианта грамлеммы не указывается вовсе, а грамлемма мыслится просто как совокупность частных значений.

Как правило, при описании семантики грамлеммы указывается некоторое исходное – ядерное – значение и ряд других частных значений, так или иначе соотносящихся с исходным. Исходное значение может пониматься как общее или как основное [Бондарко 1996]. В случае общего значения предполагается, что частные значения тем или иным образом связаны с исходным, т.е. либо выводятся из него по некоторым правилам, либо разделяют с ним некоторый общий смысловой компонент; в случае основного значения наличие обязательной связи между исходным значением и произвольным частным не предполагается, а основное значение признается таковым на основании его большей употребительности, большей (психо)лингвистической значимости для носителей языка, его приоритетного статуса с точки зрения категориальной значимости данной грамлеммы и т.п. Даже в случае признания у грамлеммы общего значения каких-либо конструктивных средств отображения единства ее частных семантических интерпретаций, как правило, не предлагается, и в этом отношении исследования по грамматической семантике отстают от лексикологических исследований (в которых, как сказано было выше, некоторые средства фиксации единства вокабулы в виде семантических мостов уже были введены).

Проблема семантического инварианта в лингвистике имеет давнюю историю, как и вообще проблема инвариантности языковых единиц. В последнее десятилетие в отечественной лингвистике наблюдается оживление интереса к этой проблеме. В работе [Перцова 1988] она осмыслена с точки зрения сопоставления с жестким, дискретным подходом к семантике, и в этой же работе намечены некоторые инструменты инвариантного описания семантики лексических единиц. Проблема инварианта грамматического значения актуальна в рамках недавних публикаций [Падучева 1996; Кошелев 1996; Шатуновский 1996; ГПРЯ 1997]. Обзор "с птичьего полета" дан в [Перцов 1996б: 25–28]. В этой же работе (с. 24) нами предложено рассматривать понятие семантического инварианта в сильном и слабом аспекте. Под сильным инвариантом языковой единицы, понимаемой в самом общем смысле (в частности, вокабула вполне может считаться языковой единицей в широком смысле), понимается некоторый теоретический конструкт, из которого по определенным правилам могут быть выведены все частные манифестации данной единицы (в случае вокабулы – все входящие в нее лексические значения, в случае грамлеммы – все ее частные интерпретации). Таким образом, понятие сильного инварианта, помимо собственно исходной семантической сущности, предполагает наличие заранее заданной совокупности правил вывода (о проблеме выводимости частных значений из инварианта см. [Новак 1983; Гловинская 1989: 77–78]). Под слабым инвариантом языковой единицы, имеющей ряд частных интерпретаций, предлагается понимать некоторый нетривиальный компонент (смысловой или концептуальный), присущий каждой из этих интерпретаций (в случае вокабулы это либо непосредственно входящий в толкование фрагмент, либо коннотация). Понятие слабого инварианта "слабее" понятия сильного инварианта как в содержательном, так и в чисто формальном отношении: для задания слабого инварианта требуется лишь указание исходной семантической сущности, а для сильного инварианта требуются еще правила вывода.

²Словоизменительные значения подразделяются на два класса: (1) грамлеммы – входящие в состав словоизменительных категорий, обязательных в некоторых смысле для определенных классов языковых знаков; (2) квазиграмлеммы – изолированные значения, внеположные категориям (например, показатель множественности-мэнь в китайском языке). Понятие квазиграмлеммы, чрезвычайно важное для общей теории грамматики, было введено И.А. Мельчуком [Мельчук 1997: 286 и сл.]; иллюстрации этого понятия на конкретном языковом материале (в том числе, на русском) см. в [Перцов 1996а: 44 и сл.].

Статус и природа понятия "инвариант" в его сильной и слабой ипостаси еще неясны и непрочны, особенно в отношении сильного инварианта. В настоящее время относительно этого последнего пока преждевременно делать сколько-нибудь надежные утверждения. Поскольку в нашей науке мы оперируем по преимуществу инструментальными описаниями, которые базируются на самом естественном языке (подробнее см. раздел III ниже), в рамках такого подхода трудно ожидать каких-либо существенных успехов в формулировании сильных инвариантов для массовых языковых единиц: для этого необходимы внеположные языку средства описания. Формулируя ниже инварианты для русских глагольных граммем, мы, естественно, претендуем лишь на выявление слабых инвариантов.

Общую проблему инварианта можно подразделить на ряд частных проблем, которые ниже формулируются в виде отдельных пунктов – четырех вопросов об инварианте: (ВИ1) – (ВИ4).

(ВИ1) Если некоторые разные конкретные значения объединяются вместе по наличию у них общего означающего в некоторую объемлющую их единицу, то существует ли между ними некоторая другая общность, помимо формальной?

Ответ на этот вопрос должен быть положительным: в противном случае мы имеем дело с омонимией, а не с полисемией, а ведь именно относительно полисемичных единиц может вообще вставать вопрос о семантическом инварианте. Относительно конкретной совокупности значений $M = \{ 'm_1', 'm_2', \dots, 'm_n' \}$ в случае возможности постулирования для нее некоторой сущности 'I', присущей каждому значению m_i , естественно назвать 'I' семантическим инвариантом для M.

Тогда проблему семантического инварианта можно развить следующим образом:

(ВИ2) Все ли полисемичные языковые единицы обладают семантическим инвариантом?

Если в общем случае ответ на этот вопрос окажется отрицательным, естественно задаться следующим вопросом:

(ВИ3) Какие полисемичные единицы обладают семантическим инвариантом, а какие не обладают?

Наконец, последний вопрос, затрагивающий те единицы, для которых удастся инвариант выявить, относится непосредственно к самому семантическому инварианту:

(ВИ4) Каков вид (способ задания) семантического инварианта для полисемичных единиц разных типов?

Мы полагаем, что лингвистика еще не нашла ответы на последние три вопроса, т.е. в общем виде проблема семантического инварианта остается неразрешенной и открытой. Поиски инварианта имеют своих противников и сторонников, и автор причисляет себя к сторонникам. Если иметь в виду сужение этой проблемы применительно к частным случаям полисемичных единиц, то представляется эвристически ценной установка на поиск и формулировку инвариантов. Такую установку в большом числе случаев подкрепляют данные языковой интроспекции и свидетельства неискушенных носителей языка.

Не давая здесь сколько-нибудь развернутой истории освещения проблемы семантического инварианта в лингвистике, мы обозначим лишь отдельные известные автору "точки" на линии развития концепции инварианта. Для современной лингвистики существенное значение имеет исследование Р.О. Jakobsona, посвященное общим значениям русских падежей [Jakobson 1936], на которое часто ссылаются в связи с проблемой семантического инварианта вообще и инвариантов русских падежных значений в частности (концепция общих значений Jakobsona составила предмет статьи [Бондарко

1996]). Следует признать, что формулировки инвариантов падежных значений, предложенные Якобсоном, не прижились в русистике и не получили сколько-нибудь масштабного развития – думается, вследствие чрезмерной абстрактности этих формулировок и их слабого соотношения с конкретными употреблениями падежных форм. В связи с опытом Якобсона упомянем работу [Вежицкая 1985]³ о русском творительном падеже. Перспективными представляются нам поиски инварианта русских видовых значений, предпринятые в последние годы в работах [Падучева 1996; Кошелев 1988; 1996: 152 и сл.; Шатуновский 1996: гл. 8], и инвариантов значений русских приставок в некоторых статьях сборника [ГПРЯ 1997].

Эти исследования трактуют проблему инварианта применительно к грамматическим значениям; что же касается лексической семантики, то в соответствующей литературе мы также находим довольно мало примеров описаний лексических значений с опорой на семантический инвариант: [Перцова 1988; Кибрик, Богданова 1995; Бибок 1996; Перцов 1996; Кошелев 1996; Плунгян, Рахилина 1996]. В модели "Смысл – Текст" и Московской семантической школе – при уже упоминавшейся установке на фиксацию объединения лексических значений в составе одной вокабулы – семантический инвариант не выявляется, и в схеме словарной статьи место для него вообще не предусмотрено. Если в качестве мерила отношения к семантическому инварианту принять способ лексикографического или семантического описания слова – указывается при таком описании общность, объединяющая разные частные значения, или нет, – то придется признать, что установка на выявление инварианта имеет больше противников, чем сторонников: в подавляющем большинстве случаев полисемичная единица описывается в виде ряда частных значений без указания их общности. Приведем высказанное четверть века назад мнение С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972: 74], к которому присоединятся многие современные исследователи:

"Общих значений", за которыми охотятся сторонники принципа изоморфизма формы и содержания в языке, в реальности не существует. Все попытки свести конкретные функции родительного падежа к общей функции "генитивности" или конкретные функции форм совершенного вида – к общей категории "совершенности" окончились неудачей.

В работе, впервые изданной в 1980 г., идею инварианта грамматического значения решительно отверг Ю.Д. Апресян [Апресян 1995: 33]:

Главным свойством разных значений одной грамлеммы следует считать, вопреки широко распространенному, если не общепринятому мнению, отсутствие у них семантического инварианта. Нельзя, например, считать семантическими инвариантами грамлемм НАСТ, ПРОШ и БУД значения 'совпадение с моментом речи', 'предшествование моменту речи' и 'следование за моментом речи' соответственно⁴.

Далее Апресян говорит об "условности большинства грамматических ярлыков". Ср. также мнение П. Новака [Новак 1983: 64]: "... универсальной значимости за ней [концепцией общего значения] признать нельзя, что особенно проявляется на примере категории падежа". Более лояльна к инварианту точка зрения А.В. Бондарко [Бондарко 1978: 163]: "... принцип общих значений имеет право на существование, но не как единственный, а лишь как один из принципов, определяющих способы существования категориальных значений грамматических форм". В книге В.Г. Адмони

³Фамилия Анны Вежицкой в отечественной традиции обычно предстает в именительном падеже как *Вежицка* – в "субстантивном" облике; в косвенных же падежах эта фамилия склоняется по "адъективному" типу: *Вежицкой*, *Вежицкую* (а не **Вежицки*, **Вежицку*), что приводит к образованию некоего промежуточного типа склонения, не свойственного русскому языку ни в какой другой области. Автору больше импонирует обычная русская традиция передачи польских фамилий, в соответствии с которой эту фамилию в именительном падеже следует передавать как *Вежицкая*, а не как *Вежицка*; ср. [Каролина] *Собаньская*, [Мария] *Складовская-Кюри*. В сборнике переводов [Вежицкая 1996] принято именно такое решение, к которому мы присоединяемся.

⁴В такой редакции приведенные формулировки действительно не задают инвариантов временных грамем; см., впрочем, формулировки соответствующих инвариантов в разделе II настоящей работы.

[Адмони 1988: 29–30] приводится следующее психолингвистическое обоснование "наличия обобщенных значений у грамматических форм":

... само коммуникативное назначение языка заставляет предполагать, что образование какой-то сложной, разветвленной системы языковых форм не может быть случайным, а должно служить осуществлению этой коммуникативной задачи, т.е. нести какую-то информацию. Что же касается самого характера этой информации, то она должна быть обобщенной в силу следующего соображения. При большом числе грамматических форм во флективных и флективно-аналитических языках и при сложной системе правил их употребления чистая формальность этих форм, т.е. лишенность обобщенного грамматического значения, повела бы к чрезвычайной перегрузке механической памяти говорящего... Между тем, при наличии у грамматических форм обобщенного значения память говорящего и слушающего может двигаться ступенчато, как бы от одного более обобщенного узла к другому, менее обобщенному (или в обратном порядке), создавая, таким образом, большую маневренную возможность для оперативной памяти.

Безусловной сторонницей поисков инвариантов грамматических значений выступает Е.В. Падучева. – Как видим, точки зрения Кацнельсона, Апресяна, Новака, Бондарко, Адмони, Падучевой создают широкий диапазон возможных отношений к проблеме инварианта в современной лингвистике.

Отвергая принцип "изоморфизма формы и содержания в языке", автор настоящей работы, тем не менее, не смотрит столь пессимистично на перспективы выявления семантического инварианта для большой совокупности языковых единиц, в том числе – для грамматических значений. Такие перспективы окажутся весьма ограниченными, если наука о языке будет постоянно оставаться в рамках, налагаемых на нее самим естественным языком, и если он останется основным средством описания собственных единиц, метаязыком для самого себя. Семантический инвариант, формулируемый исключительно естественными языковыми средствами, неизбежно страдает всеми недостатками естественного языка (неоднозначностью, синонимией), которые оказываются безоговорочными достоинствами в аспекте его массового функционирования. В этом смысле настоящая работа не выходит за указанные рамки: в ней инварианты, частные значения граммем и связи между первыми и вторыми заданы средствами естественного языка, которые представляются автору недостаточными для подлинного и окончательного обоснования наличия семантического инварианта у той или иной единицы. Столь же недостаточны данные языковой интуиции, на основе которых мы строим здесь свои рассуждения и выводы. Эти последние следует рассматривать как некие эвристические соображения – для одних правдоподобные, для других – нет, посредством которых автор предпринимает попытку нащупать ощущаемую им смысловую общность между разнообразными частными значениями конкретных граммем. Для подкрепления предварительных выводов автора или для демонстрации иллюзорности ощущаемой автором и другими носителями языка смысловой общности в конкретных случаях требуются внеположные чисто лингвистическому подходу данные и эксперименты (психолингвистические, собственно психологические, нейролингвистические, нейрофизиологические и т.п.), которыми мы не располагаем. (К эвристической природе собственно лингвистических построений мы вернемся в разделе III.)

Скажем несколько слов о природе семантического инварианта словоизменительного значения. Нам представляется, что для разных граммем инвариант может в их частных интерпретациях проявляться по-разному: как смысл, входящий в экспликацию содержания (толкование) частной интерпретации граммемы или получаемый из такой экспликации в результате прагматического вывода (см. ниже, в разделе II, описание настоящего гномического, постоянного и абитуального – пп. (H1.1) и (H1.2)); как смысл, характеризующий базисную интерпретацию граммемы и при этом обладающий коннотациями, входящими в экспликацию содержания частных интерпретаций (так, по-видимому, обстоит дело с некоторыми частными интерпретациями русского императива, инвариант которого будет рассмотрен в отдельной работе). Вполне возможно, что для некоторых граммем (или языковых единиц другой природы) инвариант

окажется внеположен собственно лингвистическим средствам описания, т.е. смысловым компонентам, будет иметь концептуальный статус и относиться скорее не к описанию языковых значений, а к стоящей за ними действительности⁵. Как представляется, для установления общего статуса инварианта требуется большая эмпирическая работа по выявлению инвариантов для конкретных языковых единиц (лексических и грамматических), одним из опытов которой призвана служить настоящая статья.

Остановимся на вопросе появления инварианта в случае обусловленности частного значения граммемы определенной синтаксической конструкцией. Подобного рода случаи вполне обычны: частное значение граммемы бывает привязано к конкретной синтаксической конструкции, включающей при этом определенные "грамматические" лексемы, т.е. к синтаксической фраземе [Mel'čuk 1995: 341]. Например, значение угрозы у будущего времени (*Ты у меня погуляешь по ночам! Он у Кати будет шалиться по улицам!*) – см. п. (Б1.6) в разделе II – проявляется только в составе определенной синтаксической конструкции (фраземы), характеризующейся специфически жестким порядком компонентов и специфическим интонационным контуром. Вообще говоря, фразеологическая синтаксическая связанность частного значения граммемы может снимать вопрос о проявлении в этом частном значении инварианта данной граммемы – аналогично употреблению лексем в составе лексических фразем, в которых может ничего не оставаться от лексических значений их компонентов (как во фраземе *съесть собаку* нет ни 'съедания', ни 'собаки'). В случае вхождения глагольной формы с частным словоизменительным значением граммемы в синтаксическую фразему соответствующее значение нельзя отнести только на счет этой граммемы: оно выражается всей конструкцией. Однако мы предполагаем, что здесь нет полного параллелизма между грамматическими и лексическими значениями и что в большинстве случаев частное грамматическое значение и в составе фраземы обнаруживает связь с инвариантом граммемы⁶. Поэтому, отмечая в разделе II фразеологическую синтаксическую обусловленность тех или иных частных значений, мы стремимся и для таких значений выявить связь с инвариантом (иногда подобного рода связи выглядят не очень убедительно и несколько туманны; таково, например, значение иронического отрицания у прошедшего совершенного в конструкции типа *Так он тебе и поверил!* см. (П. 1.3) в разделе II).

Частное словоизменительное значение может быть также обусловлено лексически, т.е. проявляться только у определенных лексем. Таков, например, статус у прошедшего времени в выражениях *Плевал (чихал) я (он) на это!*, где усмотреть смысл 'предшествование', ключевой для инварианта прошедшего времени, непросто. У стативных глаголов типа *знать, считать* ('полагать'), *думать (что Р)* не видно связи форм императива (*Знай, что он тебя предал; Считай, что ты уже выиграл!; Думай что хочешь!*) с инвариантом императива (с его ключевым смыслом 'побуждение'). Впрочем, автор не уверен в невозможности найти подобные связи частного значения и инварианта для двух приведенных примеров употребления глагольных форм (прошедшего времени и императива). На чем автор хотел бы настаивать, так это на том, что невозможность или трудность установления связей между частным значением граммемы и ее инвариантом в случае синтаксической или лексической обусловленности соответствующего значения идею инварианта не дискредитирует (аналогично ситуации в области лексической фразеологии).

⁵Думается, в случае подобного рода "экстралингвистических" инвариантов мы покидаем пределы традиционной проблематики собственно лингвистической семантики, однако не выходим за рамки науки о языке в широком плане. Описание действительности с ориентацией на ее отражение в языковых значениях, по-видимому, должно быть составной частью науки о языке.

⁶Впрочем, и у компонентов лексических фразем связь с собственным лексическим значением обнаруживается весьма часто; например, означаемое фраземы *сойти с ума* 'вести себя глупо и нелепо' ассоциативно связано со смыслом 'ум'.

Далее мы рассмотрим сужение проблемы семантического инварианта на область словоизменительных значений русского языка, из которых в качестве объекта описания мы выбираем три граммемы глагольного времени. Само формулирование соответствующих инвариантов особых затруднений не представляет. Гораздо труднее соотнести все употребления граммемы с гипотетическим инвариантом. На примерах нащупывания связей между инвариантом и частными значениями для граммем времени мы хотели бы продемонстрировать плодотворность установки на выявление инварианта для семантического описания.

II. ИНВАРИАНТ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Мы будем рассматривать только время личных форм глагола в русском языке, оставляя в стороне причастия и деепричастия⁷.

Обычно значения временных граммем определяются с точки зрения отношения времени сообщаемого факта к моменту речи.

В широко принятом термине "момент речи" автор видит некоторую теневую сторону. Слово "момент" в обычном языке соотносится скорее с очень коротким отрезком времени или с таким отрезком, который достаточно мал в сопоставлении с другими подразумеваемыми отрезками соответствующего временного фона. – Что является "моментом речи" для конкретной глагольной формы в составе устного высказывания? – Отрезок времени ее произнесения? Отрезок времени произнесения данного высказывания? Отрезок времени произнесения объемлющей его речи? – Во втором и третьем случае этот отрезок вполне может быть разрывным (прерываться отрезком молчания говорящего) и достаточно пространным. – Думается, более адекватно выражение "время [данной] речи", тоже часто используемое в работах о глагольном времени. Однако в формулировках содержания некоторых частных интерпретаций граммем мы сохраняем здесь традиционный термин "момент речи", более привычный, клишированный, чаще используемый, удаляя из его содержания компонент "мгновенности".

В специальной монографии, посвященной глагольному времени, – [Comrie 1985] – базисные значения абсолютных времен – present, past, future – эксплицируются, соответственно, как "localisation of a situation at the present moment" (с. 36 и сл.), "location in time prior to the present moment" (с. 41), "locating a situation at a time subsequent to the present moment" (с. 43), хотя автор в других местах говорит о возможных смещениях соответствующей точки отсчета с позиции текущего момента речи. Можно сказать, что момент речи является прототипической точкой отсчета для глагольного времени, но допустимы и другие точки отсчета, перенесенные в прошлое или будущее относительно реального времени соответствующего речевого акта. Разумеется, в большинстве случаев такая ориентация времени сообщаемого факта относительно момента речи действительно имеет место, но все же не всегда; например, как отмечается в соответствующих разделах грамматик, в случае, когда личная глагольная форма X попадает в сферу действия информационного глагола Y (в частности, глагола речи) в прошедшем или будущем времени, время соответствующего факта ориентировано не относительно момента речи, а относительно времени факта, выражаемого соответствующим информационным глаголом:

⁷Время русских причастий и деепричастий носит в большей мере относительный характер, нежели время личных глагольных форм, будучи ориентировано относительно времени некоего факта, указанного или подразумеваемого в соответствующем высказывании. (Противопоставление абсолютного и относительного времени подробно рассматривается в главах 2 и 3 монографии [Comrie 1985: 36–82]. Во втором томе "Курса общей морфологии" И.А. Мельчука абсолютное и относительное время определяются как разные словоизменительные категории – [Mel'čuk 1994: 50–60].)

Иван тогда им сказал <скажет> [Y], что он работал (работает, будет работать) [X] над новой пьесой.

Здесь время факта X – время работы Ивана – ориентировано не относительно времени произнесения высказывания, т.е. не относительно момента речи, а относительно времени факта Y – времени высказывания Ивана, на которое ссылается словоформа Y в главном предложении.

Уже один этот хорошо известный и упоминаемый в грамматиках круг употреблений глагольных форм препятствует формулировке инварианта временных граммем с ориентацией на момент речи. Другим аргументом против такой формулировки служит сам спектр частных интерпретаций временных граммем: обнаруживается, что в тех или иных конкретных случаях употребления личных глагольных форм каждая из трех граммем времени в русском языке может относиться к факту "претеритному" (предшествующему моменту речи), "презентному" (одновременному или перекрывающемуся по времени с моментом речи) или "футуральному" (следующему за моментом речи) [Гловинская 1989]. Примеры таких интерпретаций глагольного времени читатель найдет в последующем изложении. Итак, мы отказываемся от абсолютной ориентации формулировки инварианта времени в русском языке в пользу ориентации относительной, для чего требуется обращение к относительно понятию – понятию "точки отсчета", восходящему к главе о глагольном времени в известной книге [Reichenbach 1947]. Это понятие проникло даже в академическую грамматику [РГ 1980]), оно широко используется в большом числе исследований глагольного времени и вида (например, в [Падучева 1996]). Точка отсчета для времени факта F, обозначенного личной глагольной формой F, – это некоторое подразумеваемое в соответствующем речевом акте время, относительно которого ориентирован факт F; в большом числе случаев точка отсчета совпадает с временем исходного речевого акта, т.е. с моментом речи, но может отличаться от него, например, совпадать с временем факта, обозначенного другой глагольной формой в главном предложении.

Свободному использованию понятия и термина "точка отсчета" для автора настоящей работы препятствуют следующие два обстоятельства.

Во-первых, в русском термине "точка отсчета" (и в английском "reference point") присутствует, как и в термине "момент речи", обыденная языковая коннотация точечности соответствующего временного интервала, т.е. его "мгновенности" или относительно малой продолжительности; ср. понятие точечного (punctual) – мгновенного – вида в теории грамматических значений. Точечность в общем случае не присуща реальным "точкам отсчета" в конкретных случаях употребления глагольного времени; ср. *Иван весь день помнил [Y], что отец ждет [F] его на вокзале*, где временной период факта хранения в памяти Y – "точка отсчета" для факта ожидания F – отнюдь не носит "точечно-мгновенного" характера.

Во-вторых, само содержание понятия "точка отсчета" предстает не столь отчетливо и определено для наших целей в настоящем изложении: вообще говоря, с видо-временной глагольной формой в конкретном употреблении и осмыслении можно связывать более одной "точки отсчета". Возьмем пример, уже использовавшийся в литературе [Апресян 1995; Падучева 1996], – *На стене справа висела картина*. В интерпретации "с синхронной точкой отсчета" [Падучева 1996: 12] – с привязкой описываемого факта к конкретному моменту наблюдения в прошлом, – например, *Я вошел в комнату и увидел [Y], что на стене справа висела [F] картина*, – факт F с точки зрения употребления прошедшего времени ориентирован относительно текущего момента – как предшествующий ему, а с точки зрения привязки его к определенному моменту в прошлом – относительно факта Y – как синхронный ему. Это предложение может интерпретироваться и "с ретроспективной точкой отсчета" – с подразумеванием отсутствия в некий момент некоторого факта, имевшего место в прошлом: предположим, ваш знакомый входит к вам в комнату и говорит *На стене права висела [F] картина, а сейчас ее нет [Y]*; тогда факт F – "висение картины" –

ориентирован только относительно Y-а – ее отсутствия в момент речи, и в этом случае мы имеем единую точку отсчета – момент речи (вашего знакомого). Итак, в первом случае, факт "висела" имеет две точки отсчета, а во втором одну.

Двойственность точки отсчета в первом случае обусловлена сложным взаимодействием значений времени и вида, а также контекста. Однако относительно употребления глагольного времени – прошедшего в данном случае – точка отсчета все же остается единой: в приведенной фразе – *Я вошел в комнату и увидел [Y], что на стене справа висела [F] картина* – время глагола *увидел* задает предшествование этого факта – факта "видения" – текущему моменту высказывания. Тем самым, с точки зрения выбора глагольного времени первый и второй случай друг от друга не отличаются.

Вообще говоря, вполне можно представить себе такую ситуацию в языке: в нем имеется более одной категории видо-временного характера, и глагольная форма в конкретном употреблении ориентируется по этим категориям относительно разных фактов, явно выраженных или подразумеваемых в высказывании, т.е. обладает несколькими точками отсчета, для каждой из которых может потребоваться особое терминологическое обозначение.

Возможность множественных точек отсчета ярко демонстрируется в [Comrie 1985: 75–78], где говорится о "цепочках точек отсчета" для конкретных глагольных форм в целом ряде языков (приведены примеры из английского, французского, мальтийского). Б. Комри приводит эффектный пример цепочки точек отсчета в следующей английской фразе: *John left for the front; by the time he should return, the fields would have been burnt to stubble* 'Джон уехал на фронт; ко времени его возвращения поля будут полностью сожжены'. Первичной точкой отсчета здесь следует считать момент речи, относительно которого ориентирован претерит глагольной формы первого предложения *left*, каковая создает вторичную точку отсчета в прошлом, относительно которой ориентирована форма *should return* – будущее в прошедшем. Эта последняя форма создает третичную точку отсчета, относительно которой ориентирована форма перфектного будущего в прошедшем *would have been burnt*. Итак, последняя форма в качестве непосредственной точки отсчета имеет третичную, а в качестве косвенных еще две предшествующие. Факт "сожжение полей" помещен между некоторым фактом прошлого ("отъезд Джона на фронт") и некоторым последующим фактом ("возвращение Джона"), причем временная локализация "сожжения полей" и "возвращения Джона" относительно момента речи во фразе не прояснена. В любом случае "сожжение полей" отстоит от момента речи как первичного ориентира на две промежуточные точки отсчета. В другом месте книги (в главе 6, намечающей возможные способы формализации метаязыка для описания категории времени) Б. Комри приводит формулу, задающую содержание перфектного будущего в прошедшем (с. 128):

E before R₁ after R₂ before S

[E – сообщаемый факт; R₁ и R₂ – две дополнительные, относительные, точки отсчета; S – момент речи как исходная точка отсчета].

В этой формуле множественность точек отсчета проявляется весьма наглядно. Общая формула выглядит следующим образом:

E (relative R)ⁿ (relative S)

[*relative* – обозначение любого допустимого отношения из множества {*simul*, *before*, *after*, *not-before*, *not-after*}].

Понятие точки отсчета является видовым по отношению к понятию "временной ориентир", охватывающему также момент речи и время факта, обозначенного личной глагольной формой, – ср. словоупотребление в [Богуславский 1996], где для описания темпоральных адverbials используется термин "временной ориентир" (с. 76), но при этом в другом месте – с. 243 и сл. – обсуждается проблема соотнесения этого понятия

с понятием точки отсчета и говорится о необходимости рассматривать точки отсчета применительно к определенным элементам предложения, а не ко всему высказыванию в целом (единой точки отсчета у высказывания может и не быть).

Как и в случае "момента речи", мы сохраняем ходовой термин "точка отсчета", надеясь при этом, что сделанные оговорки относительно недостатков этих терминов окажутся достаточными для предотвращения недоразумений. (Впрочем, отметим, что выбор терминов для обсуждаемых понятий и их интерпретация принципиального значения для нашей текущей цели не имеют.)

В данном изложении мы рассматриваем метаязыковое понятие "точка отсчета" только применительно к глагольному времени – в отвлечении от смысловых компонентов, привносимых видом. Мы полагаем, что подобная абстракция допустима – при установке на выявление инварианта именно глагольного времени.

Для формулировки инварианта настоящего времени нам понадобится понятие гомотронности. Мы будем говорить, что некоторый факт *F* гомотронен некоторому временному отрезку *T* (в частном случае – точке на оси времени), если:

- (1) факт *F* имеет место на отрезке *T*, или
- (2) реализации факта *F* имели место до отрезка *T*, и при этом: либо после отрезка *T* реализации *F* будут иметь место, либо на отрезке *T* существуют условия для повторных реализаций факта *F* после отрезка *T*⁸.

Первый член данной дизъюнкции – условие (1) – можно назвать условием синхронности (факта *F* и отрезка *T*), второй член – условие (2) – условием потенциальной реализуемости (факта *F* после отрезка *T*). (Последнее название нас не вполне удовлетворяет, но более удачного придумать не удалось.)

Теперь инварианты глагольных граммем в русском языке можно представить следующим образом (в формулировках инвариантов ключевые компоненты выделены):

настоящее время : данный факт **гомотронен** некоторой точке отсчета
прошедшее время : время данного факта **предшествует** некоторой точке отсчета
будущее время : время данного факта **следует** за некоторой точкой отсчета

Встает вопрос, почему, формулируя инвариант настоящего времени, мы отказались от привычного понятия "одновременность". Обыденное языковое осмысление слова "одновременный" не вполне отвечает разнообразным реальным случаям соотнесения времени реализации факта, обозначаемого формой наст. времени, и времени его точки отсчета. В обычном языке *F* **о д н о в р е м е н е н** *Y*-у понимается следующим образом: 'время факта *F* [= временной отрезок, заполняемый фактом *F*] существенно пересекается с временем факта *Y*'. Компонент 'существенно' необходим в связи с тем, что вряд ли естественно назвать одновременными два факта, времена реализации которых пересекаются в области относительно малого временного отрезка, – например, два доклада в разных секциях конференции, один из которых начинается за две минуты до окончания другого. Если в качестве точки отсчета конкретной формы наст. времени выступает момент речи (наиболее типичный случай), то зачастую непосредственное языковое чутье противится обыденной языковой характеристике соответствующего глагольного факта как **о д н о в р е м е н н о г о** моменту речи, ср. разные случаи "неактуального" наст. времени: *Он по пятницам с двух до трех*

⁸ Ср. в [Кошелев 1996: 173] требование сохранения условий для "своевременного порождения очередного текущего процесса", входящее в формулировку "семантического ядра актуального значения целенаправленного глагола"; в соответствии с данным требованием референция *Вера читает* в ситуации, когда Вера с книгой стоит у окна и смотрит в даль, корректна, если в соответствующей ситуации ожидается в относительно близком будущем продолжение чтения. Понятие гомотронности охватывает – наряду со случаями актуальной одновременности разворачивающегося события и точки отсчета (пункт (1) в формулировке гомотронности) – также и те случаи употребления настоящего времени, когда нет непосредственного пересечения реализации сообщаемого факта и точки отсчета.

плавает в бассейне [в ситуации произнесения этой фразы, скажем, вечером в четверг]; *Девушки поэтов любят* (Маяковский); *Этот металл легко плавится*, и т.п.

Из предложенных выше формулировок инвариантов необычна только формулировка инварианта настоящего времени; формулировки для прошедшего и будущего времени, сводящиеся к идеям предшествования и следования соответственно, выглядят довольно тривиальными; они повторяются – с теми или иными вариациями – практически в любой русской грамматике и во многих описаниях семантики глагольных граммем. Нетривиальной представляется задача мотивировки различных интерпретаций граммемы глагольного времени посредством установления связи между этими интерпретациями и инвариантом. Автору этих строк неизвестны опыты глобального соотнесения ВСЕХ выделяемых интерпретаций – частных значений – граммем времени с их инвариантами. Попыткой решения такой задачи и служит следующее изложение.

Суть наших поисков можно пояснить цитатой из [Бондарко 1971а: 120]: "Говорящий (пишущий) покидает ту позицию, с которой он обычно оценивает время действий, – момент речи, – и занимает иную позицию для временной ориентации". Для каждого избираемого для анализа частного временного значения мы будем стремиться выявить эту новую позицию говорящего, т.е. новую точку отсчета.

Ниже при описании частных интерпретаций граммем сначала дается – в качестве заголовка – краткая характеристика соответствующего значения, затем – иллюстративный языковой материал; далее приводится – в марровских кавычках (лапках) – экспликация данного значения, в подавляющем большинстве случаев содержащая ключевой компонент семантического инварианта граммемы, выделенный в формулировке инварианта (исключения – настоящее гномическое, постоянное и абитуальное, пп. (Н1.1) и (Н1.2)), после чего следуют комментарии. Мы отказались от термина "толкование" для наименования эксплицитной формулировки значения граммемы в пользу слова "экспликация". Дело в том, что во многих семантических описаниях термин "толкование" используется таким образом, как если бы наличествовал строгий формальный аппарат и формальный метаязык описания. В другом месте – [Перцов 1996б: 13 и сл.] – нам приходилось уже указывать на неправомерность трактовки многих современных семантических описаний как подлинно формальных. В нашем описании словоизменительных значений мы не претендуем на формальность и на обладание строгим семантическим метаязыком; наши формулировки содержания частных интерпретаций граммем нужны лишь для явного установления связи между интерпретациями и инвариантом. Поэтому мы и предпочли не вызывающее нежелательных ассоциаций слово "экспликация" концептуально нагруженному термину "толкование".

Мы исходим из того, что для демонстрации связи частного значения с инвариантом достаточно указать ключевой компонент инварианта либо в экспликации частного значения, либо в прагматическом выводе из экспликации.

В последующем обзоре частных значений мы не будем рассматривать первичные значения глагольного времени, т.е. случаи непосредственной, очевидной связи глагольной формы с инвариантом, поскольку именно такие первичные значения и дают основания для постулирования инвариантов. Так, если взять граммему настоящего времени и ее инвариант – 'гомохронность факта точке отсчета', – мы не будем отдельно комментировать связь с этим инвариантом прямых употреблений форм наст. времени – настоящего актуального факта [*Посмотрите, он уж заряжает* (Лермонтов)]; в указанных случаях факт F имеет место непосредственно в момент речи, т.е. для F и момента речи выполняется пункт (1) в условии гомохронности, составляющей инвариант наст. времени. За пределами нашего обзора остаются, например, частные значения, объединенные в работе [Гловинская 1989: 134 и сл.] в разделе "Грамматические способы обозначения действия при повторной дескрипции (пересказе текстов)", куда включены, помимо собственно пересказов, заголовки, подзаголовки, предваряющие краткие изложения фрагмента текста (главы, части) и т.п.; из частных значений

этого раздела работы Гловинской в наш обзор включено лишь наст. время сценических ремарок – см. п. (Н1.4) ниже. Как представляется, в текстах такого рода связи временных форм с инвариантами времен весьма прозрачны, что демонстрирует приведенный Гловинской материал и его интерпретация.

Мы не претендуем здесь на охват всей совокупности частных грамматических значений, упоминаемых в соответствующей литературе; вполне возможно, что какие-либо конкретные специфические употребления были нами упущены, хотя мы и стремились учесть все частные значения, связь которых с инвариантом не очевидна, т.е. случаи переносного (метафорического) употребления грамматических форм (так называемой транспозиции форм – [Бондарко 1971а: гл. III; 1971б: гл. II, с. 94 и сл.; Широкова 1983]).

При отборе частных интерпретаций в основном был использован материал [РГ 1980], откуда заимствованы многие характеристики употреблений глагольных форм и большинство примеров; существенно привлекался материал работ [Бондарко 1971а] и [Гловинская 1989]⁹.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Для демонстрации проявления инварианта наст. времени в частном значении требуется обеспечить наличие компонента 'гомохронность' в экспликации значения или в прагматическом выводе из нее. Экспликация понятия гомохронности представляет собой дизъюнкцию двух условий – синхронности и потенциальной реализуемости, поэтому проявление какого-либо одного из них в экспликации или выводе имплицитно гомохронность.

(Н1) Настоящее при обозначении фактов, актуальных для периода, включающего текущий момент высказывания

(Н1.1) Настоящее гномическое и настоящее постоянное:

Вода кипит при ста градусах. Земля вращается вокруг Солнца. Этот металл плавится. Смелость города берет. Для записи партий существует шахматная нотация.

'Общее свойство, присущее некоторому объекту; общая истина, справедливая в произвольный момент времени'.

Прагматический вывод: 'реализации факта F имели место до текущего момента, возможно, имеют место в текущий момент и будут иметь место после него'.

Экспликация отражает известный вневременной характер настоящего гномического и постоянного, отмечаемый в лингвистической литературе и словарях лингвистической терминологии. Непосредственно в экспликации нет компонентов, соотносимых с предложенным инвариантом наст. времени, однако этот инвариант проявляется в прагматическом выводе из экспликации: факт F, обозначенный глагольной формой, относится и к прошлому, и к текущему моменту, и к будущему; тем самым, выполняется условие потенциальной реализуемости факта F в текущий момент, а, значит, его гомохронность текущему моменту, который и естественно выбрать в качестве точки отсчета.

(Н1.2) Настоящее абитуальное, обозначающее обычный, повторяющийся факт:

Девушки часто плачут беспричинно (М. Горький).

⁹ В [Гловинская 1989] многие частные видовые и видо-временные значения эксплицируются посредством полных толкований на естественном метаязыке. Правда, не во всех случаях предложенные толкования дают возможность соотнести частное значение с инвариантом соответствующей граммеи времени (Гловинская и не ставила перед собой такой задачи).

‘Реализации факта F обычно имеют место’.

Прагматический вывод тождествен выводу в предшествующем пункте.

И в этом случае в экспликации нет непосредственной соотнесенности с инвариантом, каковая проявляется только в прагматическом выводе из экспликации. Точкой отсчета здесь также служит текущий момент высказывания.

(Н1.3) Настоящее изобразительное (особенно характерное для литературно-художественных описаний):

*Дробясь о мрачные скалы, / Шумят и пенятся валы, /
И надо мной кричат орлы, / И ропщет бор... (Пушкин)*

‘Факт F имеет место в некоторый условный момент M его восприятия’.

Эта экспликация, задающая гомохронность (синхронность) факта и условного момента M, тем самым непосредственно соотносится с инвариантом наст. времени.

В чем различие между настоящим и прошедшим временем в подобных описаниях? Попробуем изменить время глаголов в приведенной цитате – ... *шумели и пенились валы, и надо мной кричали орлы, и роптал бор* – и мы почувствуем разницу между оригиналом и его модификацией: в первом случае мы как бы присутствуем в соответствующем месте в соответствующее время и непосредственно вместе с автором воспринимаем изображаемый пейзаж; во втором случае прошедшее время отстраняет нас от этого пейзажа и от автора, задает предшествование изображаемой картины некоторому условному моменту восприятия данного текста.

(Н1.4) Настоящее комментирующее (характерное, в частности, для сценических ремарок):

*Лука (входит и подает воду). Барыня больна и не принимают (Чехов).
Сальери. Ты думаешь? (Бросает яд в стакан Моцарта.) Ну, пей же (Пушкин).*

‘Факт F имеет место в некоторый условный момент M сценического действия’.

Аналогично предшествующему случаю, гомохронность, а тем самым – соотнесенность данного частного значения наст. времени с инвариантом, задана непосредственно в экспликации. Точкой отсчета служит здесь некоторый подразумеваемый момент совершения называемого глагольной формой факта: автор текста как бы помещает свое сознание и сознание адресата в соответствующее время совершения сообщаемого факта.

(Н2) Настоящее при обозначении предшествующих фактов

(Н2.1) Настоящее историческое:

В прошлом году как-то встречаю я его на одной конференции и говорю...

‘(1) Факт F предшествует моменту речи; (2) говорящий представляет факт F так, как если бы он имел место в момент M непосредственного восприятия данного факта говорящим и адресатом’.

Пункт (2) данной экспликации задает гомохронность факта F и момента M, т.е. соотнесенность с инвариантом.

Как отмечается в работе [Гловинская 1996: 451], для настоящего исторического характерна “ментальная синхронизация действия и наблюдения”. Указанный выше инвариант настоящего времени как раз и состоит в такой синхронизации; ее проявление в случае настоящего исторического очевидно. При этом для нашей цели – соотнесения частного значения с инвариантом – не существенно решение вопроса, который ставится в упомянутой работе: переносит говорящий себя в прошлое или “подтягивает” прошлое к моменту речи. М.Я. Гловинская выбирает перенесение в

прошлом, опираясь на факт сочетаемости наст. исторического с обстоятельствами предшествования: *Встречаю вчера (недавно, три дня назад) я его по пути на работу...*, и этот выбор представляется вполне правдоподобным¹⁰. Однако из перенесения говорящего в прошлое делается вывод об отсутствии проявления инварианта в настоящем историческом, а это уже вызывает возражение. Такой вывод был бы оправдан, если бы инвариант был жестко привязан к моменту речи, но в нашей формулировке инварианта наст. времени (и в "ментальной синхронизации") такой привязки нет.

З а м е ч а н и е. Наша экспликация согласуется с обстоятельным толкованием настоящего исторического в [Гловинская 1996: 456]. Это толкование содержит три вхождения компонента 'действие как бы происходит на глазах [говорящего или адресата]'. Здесь мы усматриваем две неточности: факт, описываемый глагольной формой в случае настоящего исторического, не обязан быть действием (*Вошел я вчера в кабинет начальника, а он спит себе*); восприятие факта не обязательно носит зрительный характер (*Только я заснул, как на дворе истошно заорали: ссорятся, кричат, ругаются...*). Соответствующий компонент следует заменить чем-то вроде: 'факт как бы воспринимается непосредственно', как это сделано в нашей экспликации.

В следующих трех случаях близкий моменту речи факт подается как синхронный ему.

(H2.2) Настоящее непосредственно предшествующего факта:

Ребята приглашают нас в поход [реплика сразу после телефонного звонка].

'Факт F предшествует моменту речи; говорящий представляет F так, как если бы он имел место в момент речи'.

Здесь мы видим гомохронность подачи факта F и момента речи.

(H2.3) Настоящее интерпретационное:

– *Теперь я буду обязан, – сказал я. – Это похоже на взятку. – Ха, разве взятки такие бывают? – сказала Жанна. – Вы нас обижаете* (Д. Гранин).

'Факт F предшествует моменту речи; в момент речи имеет место интерпретация говорящим факта F как типа поведения'.

Экспликация задает гомохронность интерпретации факта F моменту речи. Формулировка данной экспликации существенно опирается на толкование интерпретационного значения настоящего НСВ в [Гловинская 1989: 113].

(H2.4) Настоящее эмоциональной актуализация [Бондарко 1971а: 150]:

Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. ... Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться ... (Пушкин).

'Факт F предшествует моменту речи; в момент речи имеет место демонстрация факта F и его подача как обычного поведения'.

Здесь гомохронность связывает демонстрацию и подачу факта F с моментом речи.

Наша экспликация согласуется со следующим описанием данного временного значения: "Факт прошлого подчеркивается, ему придается в данном высказывании принципиальное значение. ... Действие предлагается на рассмотрение, демонстриру-

¹⁰ Впрочем, к этому собственно лингвистическому аргументу было бы желательно добавить какие-либо психолингвистические: ведь мы мало знаем о том, как воспринимают настоящее историческое носители языка – с точки зрения ментальной локализации соответствующего факта относительно текущего времени говорящего.

ется. Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем" [Бондарко 1971а: 151].

(Н2.5) Настоящее экспозиционное:

Дарвин учит, что эволюция видов определяется тремя факторами.

‘Факт F предшествует моменту речи; в момент речи имеет место сохранение актуальности факта F’.

Здесь гомотронность связывает сохранение актуальности F с моментом речи. Экспликация построена на основе описания настоящего экспозиционного в [Гловинская 1989: 115], опирающегося, в свою очередь, на проведенную Г. Галтоном [Galton 1976: 17–18] демонстрацию смыслового отличия настоящего экспозиционного от форм прошедшего времени.

(Н3) Настоящее при обозначении предстоящих фактов

(Н3.1) Настоящее намеченного действия ("praesens propheticum"):

Он будущей зимой уезжает за границу.

‘Факт F следует за моментом речи; F запланирован; говорящий представляет F так, как если бы F имел место в момент M непосредственного восприятия этого факта со стороны говорящего и адресата’.

Гомотронность связывает представление факта F с M.

(Н3.2) Настоящее воображаемого факта:

А потом будут сумерки, освещенная церковь, суета около паперти...

Подкатывают кареты, и щеголь-пристав горячится, чтобы сохранить порядок в этой церемонии... И церемония совершается в образцовом порядке! [Бунин].

‘Говорящий представляет будущий воображаемый факт F так, как если бы он имел место в некоторый условный момент M его восприятия’.

Последние два случая – "футуральные" – аналогичны случаям группы (Н2) – "претеритной" интерпретации презенса: говорящий синхронизирует сообщаемый факт и время его воображаемого восприятия, которое естественно счесть в этих случаях точкой отсчета. Будучи в одном аспекте аналогичными случаям (Н2), случаи (Н3) в другом аспекте им зеркально противоположны: в обоих типах случаев точка отсчета (восприятие факта) синхронизирована с сообщаемым фактом, но в (Н2) она предшествует исходной точке отсчета, а в (Н3) следует за ним. При этом исходная точка отсчета чаще всего совпадает с моментом речи, но все же не всегда. Для "футуральных" случаев (Н3) примеры такого несовпадения найти нетрудно – *Он решил, что завтра трогается в путь*. Что-то аналогичное можно придумать и для "претеритных" случаев (Н2): *Илья сидел и мучительно вспоминал подробности вчерашней встречи* [исходная точка отсчета]. *Вот он видит ее на противоположной стороне улицы и окликает ее...*

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

(П1) Прош. время глаголов при обозначении будущих фактов

(П1.1) Прош. сов. вида для выражения уверенности в осуществлении действия:

Если ты не укрепишь королевский фланг, ты проиграл партию.

Если он не вернется, мы погибли <пропали>.

Ну все, мы опоздали на поезд [в ситуации спешки, когда опоздание еще не наступило, но высоковероятно].

‘Факт F следует за моментом речи; F неминуем; говорящий мысленно фиксирует некоторый момент M после момента речи, как бы переносит свое сознание и сознание адресата в момент M и представляет факт F как **предшествующий** моменту M’.

Здесь не исключена следующая альтернативная экспликация:

‘Факт F следует за моментом речи; F неминуем; говорящий представляет факт F как **предшествующий** моменту речи [как уже совершившийся к моменту речи]’.

Первая экспликация предполагает, что говорящий как бы забегает вперед относительно предстоящего неминуемого факта F, и этот будущий факт представлен так, как если бы он уже имел место до некоторого будущего момента M, т.е. выражена идея его предшествования точке отсчета M. В случае второй экспликации в качестве точки отсчета берется момент речи, а будущий факт F подан как совершившийся до момента речи, т.е. мысленно перемещается в прошлое. Поскольку нам важно проявление в данном случае идеи предшествования, выбор той или иной из этих двух экспликаций для наших целей не слишком существен. Автору представляется более предпочтительной первая – “футуральная” – экспликация. Проанализируем, например, речевую ситуацию произнесения первой фразы из серии примеров (П1.1): слушающий еще не проиграл партию; говорящий говорит о неминуемости проигрыша партии и как бы фиксирует в предстоящем недалеком будущем тот момент M, в который проигрыш партии – факт F – станет совершившимся фактом; проигрыш партии подан как предшествующий моменту M. Правда, против первой – “футуральной” – экспликации как будто говорит затрудненность (или невозможность?) постановки при глагольной форме F обстоятельственного модификатора со значением следования: *‘Если ты не укрепишь королевский фланг, ты через час проиграл партию; ‘Если он не вернется, мы завтра погибли* (ср. соображения в [Гловинская 1996: 453–454] о перенесении момента наблюдения в прошлое в случае настоящего исторического именно вследствие возможности постановки при глаголе модификаторов со значением предшествования: *Вчера он хватает меня за рукав...*).

(П1.2) Прош. сов. вида для сообщения о некотором действии в ближайшем будущем (“praeteritum propheticum”):

Ну, я пошел (мы побежали).

‘Говорящий сообщает о намерении совершить действие F в самом ближайшем будущем; говорящий мысленно фиксирует некоторый момент M после момента речи, как бы переносит свое сознание и сознание адресата в момент M и рассматривает факт F как **предшествующий** моменту M’.

Как и в предшествующем случае, здесь возможна альтернативная экспликация: ‘... говорящий представляет факт F как **предшествующий** моменту речи [как уже совершившийся]’.

Вторые части первой и второй экспликации тождественны концовкам первой и второй экспликации в (П1.1) соответственно.

Аналогично предшествующему случаю, непосредственно последующее действие подано как предшествующее точке отсчета – некоторому подразумеваемому моменту, который, как и в случае (П1.1), допускает неоднозначную интерпретацию – либо как некоторый момент в самом ближайшем будущем после момента речи (в первой экспликации), либо как момент речи (во второй).

(П1.3) Прош. сов. вида для эмоционально-экспрессивного иронического отрицания под видом утверждения:

*Так я и поверил <побежал>! Как же, испугался я!
Так он тебе и сказал!*

‘Говорящий категорически отрицает факт F, относящийся к периоду начиная с момента речи; говорящий, выражая иронию по поводу возможности реализации факта F, представляет факт F как совершившийся и предшествующий некоторому моменту M’.

Под видом утверждения говорящий выражает ироническое отрицание факта F, которое может относиться не только к последующему моменту, но и к моменту наблюдения (в частности, к моменту речи). В зависимости от отнесенности этого отрицания в качестве точки отсчета может выступать момент речи или некоторый подразумеваемый момент в будущем; в обоих случаях подразумевается воображаемое предшествование отрицания сообщаемого факта этому моменту. В самом деле, чем отличается ироническое восклицание *Так я ему и поверил!* от тоже иронического *Так я ему и поверю!* Во втором случае отрицаемый факт F жестко привязывается к будущему и очевидным образом ориентирован относительно момента речи; в первом случае факт недоверия подается как уже имевший место до некоторого другого факта¹¹.

Отметим, что предложенная экспликация данного частного значения прош. времени автора не вполне удовлетворяет. Она приведена в качестве эвристического материала, который, возможно, окажется полезен для будущих поисков связи данного частного значения с инвариантом прош. времени. Однако даже если в данном случае придется признать отсутствие связи частного значения с инвариантом, это не подорвет идею инварианта в общем и предложенный инвариант прош. времени в частности: здесь мы имеем очевидный случай синтаксической фраземы. Как указывалось выше, в случае фразеологической синтаксической обусловленности частного значения граммы проявления в нем инварианта может и не быть.

(П1. 4) Прош. несов. для выражения предстоящего факта в рамках прошлого:

Все мы расставались: Олег ехал в Крым учительствовать, Ваня отправлялся в экспедицию, я оставался в Москве.

‘Факт F, предшествующий текущему моменту, запланирован и следует после некоторого момента в прошлом’.

Здесь мы имеем своего рода “будущее в прошедшем”. Как отмечено в [Гловинская 1989: 93], “действие должно относиться к достаточно близкому для данной ситуации будущему, если считать от выделенного момента в прошлом”. Тем не менее, для этих форм прошедшего времени как таковых – в аспекте выбора именно граммы прошедшего времени – существенно не отнесение соответствующих действий к будущему [в прошедшем], а предшествование этих действий точке отсчета (скорее всего, моменту речи). Здесь идея предстоящего, в сущности говоря, не составляет собственное частное значение данной видо-временной формы, а, наведенная общим контекстом, является имплицатурой формы и контекста (ср. раздел “Значение и имплицатура” в [Comrie 1985: 23 ff.]).

З а м е ч а н и е. В [ГСРЛЯ 1970: 358] указывается еще одна возможность “транспозиции форм прош. времени глаголов в сферу значений буд. времени”, которая иллюстрируется следующим примером: *И вот представь, завтра ты узнал, что твой друг тебя обманул*¹². Такого рода маргинальные случаи также сохраняют идею предшествования: рассматривается некоторая гипотетическая ситуация, которой предшествует определенный факт (в процитированной фразе гипотетическая ситуация – это определенное состояние адресата, которому непосредственно предшествует “узнавание об обмане, совершенном другом”).

¹¹ “Отрицание факта в будущем эмоционально выражается как ироническое признание его уже осуществившимся” [Бондарко 1971а: 134].

¹² Для автора эта фраза находится на грани приемлемости, но ее легко исправить, опустив слово *завтра* или заменив его, скажем, на *летом* (в предположении, что разговор происходит весной).

(П2) Прош. время при обозначении обычных повторяющихся фактов:

В этом архиве обслуживают быстро: вы пришли, сделали заказ, и через час получаете рукописи.

‘Факт F обычен в период Р, включающий текущий момент; говорящий демонстрирует единичную реализацию факта F как **предшествующую** некоторому произвольно фиксированному моменту М в составе Р [как уже совершившуюся]’.

Единичный факт F, характеризующий обычную ситуацию, относящуюся “к широкому плану настоящего” [РГ 1980: 633], представлен как предшествующий некоторому фиксируемому моменту в этом широком плане. В приведенном примере описываемая обычная ситуация прихода и заказа рукописей рассматривается с точки зрения ее единичного проявления и предшествования некоторой точке отсчета, например, моменту в течение того же дня. В нашем примере таким моментом можно считать момент получения рукописей; если заменить в этом примере форму наст. времени несов. вида *получаете* на форму прош. времени сов. вида *получили*, точка отсчета меняется: это уже некоторый момент, следующий за получением рукописей, с точки зрения которого рассматривается единичная реализация обычных фактов прихода, заказа и получения рукописей¹³.

(П3) Прош. время сов. вида для выражения побуждения:

Немедленно занялись делами! А ну лег и попольз! [На занятии лечебной физкультурой] Руки подняли над головой, развели в стороны, делаем вдох; руки протянули вдоль тела, выдох – и отдыхаем.

‘Говорящий побуждает адресата к совершению действия F; говорящий фиксирует некоторый момент М в ближайшем будущем и представляет факт F как **предшествующий** этому моменту’.

Здесь, как и в случаях (П1. 1) и (П1. 2), также возможна альтернативная экспликация, отличающаяся от приведенной своей концовкой: ‘... говорящий представляет факт F как **предшествующий** моменту речи’.

Побуждение выражено таким образом, что соответствующее действие подается как совершившееся, т.е. как предшествующее некоторой желательной ситуации.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

(Б1) Будущее простое

(Б1. 1) Для обозначения обычной ситуации:

Бывает так, что судьба обрушится, и ударам ее нет конца.

‘Факт F обычен в период Р, включающий текущий момент; говорящий демонстрирует единичную реализацию факта F как **следующую** за некоторым произвольно фиксированным моментом М в составе Р’.

Обычная, характерная для человеческого существования ситуация подается с точки зрения некоторого произвольно фиксированного момента – точки отсчета, вслед за которой можно ожидать реализации этой ситуации.

¹³ Можно согласиться со следующими мыслями А.В. Бондарко [1971а: 135], высказанными в связи с данным частным значением прош. времени: “Важным результатом столкновения временного значения грамматической формы и значения контекста является ослабление значения отнесенности действия к прошлому, превращение этого значения в слабый, иногда едва заметный оттенок. Значение грамматической формы становится коннотативным оттенком, сопутствующим, как своего рода обертона, основному денотативному значению, исходящему от контекста”. Для нас, однако, существенно то, что это значение все же не исчезает полностью; тем самым, инвариант сохраняется.

(Б1. 2) Для обозначения повторяющихся фактов ("наглядно-примерное значение"):

(а) ... *В кухарке толку / Довольно мало: то переварит, / То пережарит, то с посудой полку / Уронит: вечно все пересолит. – / Шить сидит – не умеет взять иголку... Везде, во всем уж как-нибудь подгадит* (Пушкин).

(б) *Денег даже давал, когда под пьяную руку придет. Придет под пьяную руку – и щедро все раздает.*

‘Факт F обычен для некоторого периода P; говорящий демонстрирует единичную реализацию факта F с точки зрения некоторого произвольно фиксированного момента M в P; имели место реализации F, предшествовавшие M; говорящий уверен в возможности реализаций F, следующих за M; говорящий эмоционально относится к F’¹⁴.

Обычный повторяющийся факт рассматривается как бы из некоторой временной точки, расположенной внутри периода, содержащего различные реализации этого факта; эта точка и составляет точку отсчета M, за которой следуют последующие реализации факта. M может совпадать с моментом речи, а может быть перенесена в прошлое. Так, отрывок (а) в "Домике в Коломне" имеет "претеритное" осмысление, но допускает и "презентное"; первая фраза в (б) осмысливается только в плане прошлого, а вторая допускает оба осмысления (разумеется, исключаящие друг друга).

(Б1. 3) Со значением невозможности осуществления действия в текущий момент (с отрицанием) ("настоящее напрасного ожидания" по [Зализняк 1990]):

Кепки не найду никак.

Как его зовут, сейчас, пожалуй, не вспомню.

‘Говорящий отрицает факт F в текущий момент и предполагает, что в ближайшем будущем реализация факта F не последует за текущим моментом’.

Говорящий не только констатирует отсутствие некоторого факта в текущий момент (не обязательно совпадающий с моментом речи, ср. *Парашиа бьется, а никак не сладит* (Пушкин), где текущий момент перенесен в прошлое), но и как бы прогнозирует сохранение данного положения вещей на протяжении некоторого последующего периода (пусть и кратковременного). В данном употреблении простого будущего, как представляется, дополнительно присутствует идея затрудненности осуществления соответствующего действия, чем и вызван указанный прогноз говорящего.

(Б1. 4) О прошлом единичном факте как удивительном, неожиданным, но при этом характерном:

Они... смотрели в глаза друг другу, смотрели так любовно и пылко, что от зависти морщины пошли к сердцу. Привалил же людям такое счастье! (Вс. Иванов)

(Глядя на рисунок) *Нарисуют же такое!*

‘Имела место единичная реализация факта F до момента речи; говорящий, считая F неожиданным и удивительным в момент речи, в то же время считает его типичным и утверждает, что за моментом речи последуют другие реализации факта F; говорящий или участник ситуации неравнодушно относится к F’¹⁵.

Факт, выражаемый глагольной формой, оценивается говорящим как типичный (ср. компонент: ‘говорящий обобщает событие как характерное’ в толковании, предло-

¹⁴ Данная экспликация опирается на предложенное в [Гловинская 1989: 125–126] описание смысла “будущего СВ в узуальном значении”.

¹⁵ Экспликация построена с существенной опорой на описание “будущего СВ о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданным” в [Гловинская 1989: 117].

женным в [Гловинская 1989: 117]); наступление типичного события возможно в произвольный момент текущего периода на временной оси, в частности в момент речи, вслед за которым можно ожидать очередной реализации соответствующего факта.

Данный случай употребления будущего совершенного иллюстрирует вхождение глагольной формы в синтаксическую фразу.

(Б1. 5) Для обозначения внезапных, интенсивных фактов в прошлом:

*Стою, слушаю – и вдруг что-то как **полыхнет** через все небо.*

‘Факт F предшествует текущему моменту; F внезапен и интенсивен; внезапность и интенсивность факта F оценивается с точки зрения некоторого момента М, за которым F следует’.

Неожиданность, резкость факта F (в нашем примере *полыхнет*) оценивается с точки зрения некоторого другого факта М (*стою, слушаю*), служащего для F точкой отсчета; F (непосредственно) следует за М. Употребление футуральной формы в контексте прошлого делает неожиданность и интенсивность последующего события еще более рельефной.

(Б1. 6) Для выражения угрозы:

Ты у меня поговоришь <достукаешься>! Вы у нас поиграете еще на детской площадке! Я тебе поработаю еще на моем компьютере! Ты у меня лежишь на ковре!

‘Говорящий высказывает угрозу, обращенную к адресату, реализация которой состоится в том случае, если за моментом речи последует действие F адресата’.

Говорящий грозным тоном называет возможное будущее действие адресата (адресатов), совершение которого чревато реализацией некоторой угрозы говорящего, которая может быть указана явно (*Ты у меня еще прогуляешь – премии лишишься!*) или подразумеваться. Значение угрозы выражается здесь всей синтаксической конструкцией, компонентом которой является глагольная форма будущего совершенного; таким образом, в данном случае мы имеем синтаксическую фразу (строгое описание которой дано в [Mel'čuk 1995: 332 ff.]).

(Б1. 7) Переносное разговорно-просторечное употребление глагола *быть* в будущем времени в вопросительных предложениях в значении настоящего:

*Вы кто **будете**? Вы откуда **будете**? Вы ему не сестра **будете**?*

‘Говорящий задает адресату вопрос относительно некоторого факта, характеризующего адресата в момент речи или в предшествующий период; говорящий имеет в сознании образ ответа, который должен последовать непосредственно за моментом речи’.

Как указывается в [РГ 1980: 635], подобного рода употребления выражают “оттенок еще не распознанного факта”. Говорящий ориентирует запрашиваемый, еще не известный ему факт F относительно момента, непосредственно следующего за моментом речи, когда будет получен ответ и факт F станет говорящему известен.

(Б1. 8) Переносное употребление глагола *быть* в будущем времени для неуверенного обозначения приблизительного количества:

*Ему лет 50 **будет**.*

*В этой цистерне литров двести бензина **будет**.*

‘Говорящий неуверенно называет приблизительное число, характеризующее значение некоторого параметра для некоторого объекта; говорящий имеет в виду уточнение, которое последует за моментом речи’.

Это случай родствен предыдущему, с тем отличием, что здесь мы имеем – вместо нераспознанного факта – факт неточный, который говорящий как бы проецирует относительно текущего момента в будущее, когда предстоит его уточнить.

В последних двух пунктах мы имеем случаи синтаксических фразем, для которых, вообще говоря, демонстрация связи с инвариантом не обязательна.

(Б2) Будущее сложное

(Б2. 1) Употребления, обозначающие обычный, повторяющийся факт:

(а) Предположение, допущение:

Этого зверя здесь никакому охотнику выследить не удастся. Хоть месяц будет ходить, а не убьет.

(б) Уверенность в постоянной готовности:

Если его прижать к стенке, он будет клясться, что все сделает, и все равно подведет.

(в) Уверенность в осуществлении обычного факта:

Он ужасно хвастлив. Вернувшись из далекого путешествия, обязательно будет хвастаться...

(г) Обычная, повторяющаяся ситуация в прошлом:

[Он и считал не умел, зато любил финтить.] Целое утро будет сидеть и не пошевелится...

‘Факт F обычен для некоторого периода Р; говорящий рассматривает реализации факта F с точки зрения некоторого произвольно фиксированного момента М в Р; имели место реализации F, предшествовавшие М; говорящий уверен в возможности реализаций F, следующих за М’.

Во всех четырех случаях (а) – (г) выражается нечто закономерное, происходящее время от времени постоянно, соответствующее самой сути вещей или сути данной ситуации. Экспликация аналогична экспликации для употреблений будущего простого в пункте (Б1. 2): здесь также серия реализаций обычного факта рассматривается изнутри ее самой, из некоторой временной точки отсчета, за которой следуют другие реализации данного факта. С подобными случаями употребления будущего сложного “может быть связан модальный оттенок уверенности в том, что обычное, типичное действие обязательно должно (или не должно) осуществляться” [Бондарко 1971а: 166].

(Б2. 2) Экспрессивно-модальное употребление с выражением возмущения говорящего:

Огромный будочник... гаркнул: "Всякая сволочь по ночам будет беспокоить" (В. Гиляровский).

Еще секретариши будут мне указывать (И. Меттер).

‘Говорящий выражает возмущение по поводу факта F, имея в виду реализации этого факта, которые могут последовать за моментом речи’.

“В модальном и вместе с тем экспрессивном оттенке “посягательства” (злой воли) можно видеть следы связи с категориальным значением рассматриваемой формы, однако значение будущего времени четко не выражено” [Бондарко 1996: 15]. С этим, пожалуй, можно согласиться, однако в чем же состоят “следы связи”? Говорящий, выражая свое возмущение по поводу некоторого совершившегося и/или совершающегося факта F, имеет в виду возможность реализаций этого факта, следующих за моментом речи. Тем самым, здесь также, аналогично (Б1. 2) и (Б2. 1), выстраивается серия реализаций факта, рассматриваемая изнутри в рамках объемлющего периода.

Замечания о шифтерном статусе русского глагольного времени.

В соответствии с известным пониманием шифтеров как значений, целиком обусловленных ситуацией текущего речевого акта [Якобсон 1972], грамемы времени – вместе с местоимениями *я, ты, здесь, сейчас*, наречиями *вчера, сегодня, завтра* – считаются классическими шифтерами. Как показывают рассмотренные

примеры частных временных значений, глагольное время не во всех случаях ориентировано относительно текущего речевого акта. Время лишь ПРОТОТИПИЧЕСКИ ориентировано относительно момента речи. В конкретных случаях употребления временных форм соответствующая точка отсчета может переноситься и в прошлое, и в будущее; или же в качестве точки отсчета может фиксироваться вообще некий произвольный момент (отрезок) на временной оси – вне какой-либо связи с прошлым, настоящим или будущим. Среди случаев, когда глагольное время ориентировано не относительно момента речи, укажем, например, следующие:

- для настоящего времени: (Н2. 1) настоящее историческое; (Н3. 1) настоящее намеренного действия (*Я завтра уезжаю*); (Н3. 2) настоящее воображаемого факта (*Представь: приглашают тебя на собеседование*);
- для прошедшего времени: (П1. 1) уверенность в осуществлении действия (*Ну все, мы проиграли!*); (П2) обозначение обычного действия (*Утром пришли – днем получили рукописи*);
- для будущего времени: (Б1. 1) в значении обычной ситуации (*Бывает так, что судьба обрушится, и ударит ее нет конца*); (Б1. 2)/(Б2. 1) для обозначения повторяющихся фактов (*Всегда она настроенное испортит; В подобной ситуации всякий будет пласти небывицы*); (Б1. 5) для обозначения внезапных, интенсивных фактов в прошлом (*Повернулся – и как заорет во все горло*).

Количество подобных случаев можно было бы умножить. Все это говорит о том, что категория времени носит не столь безусловно шифтерный характер, как подлинные шифтеры типа *я, ты, здесь, сейчас*: глагольное время является шифтером лишь в прототипическом употреблении, поскольку его ориентация относительно момента речи носит лишь прототипический характер.

III. О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭВРИСТИКЕ

Автор хотел бы критически оценить предложенные выше описания связей между частными значениями конкретных глагольных граммем русского языка и слабыми инвариантами этих граммем. И частные значения, и инварианты, и формулировки связей между частными значениями и инвариантами были даны на естественном языке, с его неоднозначностью и развитой синонимией – свойствами, препятствующими научному описанию этого сложнейшего феномена существования человека. В лингвистике самым эффективным и самым распространенным средством описания естественного языка является он сам; естественный язык служит собственным метаязыком, довольно далеко отстоящим от общеметодологических требований, предъявляемых к формальному языку. Редко можно встретить лингвистическую работу, в которой естественные языковые единицы описывались бы средствами, внеположными естественному языку; математические, нейрофизиологические, психологические и прочие инструменты наук о человеке, плохо освоенные лингвистами, пока почти ничего не могут дать в поддержку или в опровержение лингвистических построений, опирающихся на языковую интроспекцию исследователей или опрос информантов. Подобные построения составляют подавляющее большинство в лингвистической практике.

В этом отношении настоящая работа не является исключением. Автору хотелось бы найти какие-нибудь дополнительные свидетельства в поддержку сформулированных здесь на естественном языке инвариантов граммем и описаний связи между этими инвариантами и частными значениями граммем – такие свидетельства, которые выходили бы за пределы языка и были бы почерпнуты из областей, внеположных современной лингвистике. Такое сложное образование человеческой психики, как естественный язык, должен изучаться и моделироваться целым комплексом наук о человеке, и, думается, лингвистика не должна заявлять на него свои безоговорочные права. Автор не вышел в настоящей работе из оков, налагаемых на него лингвистикой, не получил внеположные языку данные в пользу предложенных сугубо лингвистических построений. Собственно, подобная задача и не ставилась, хотя она представляется чрезвычайно важной. Можно предположить, что ее реализация потребует комплексных усилий специалистов из разных областей науки о человеке или приобретения лингвистами специальных основательных знаний, умений, навыков, образа мышления из внемлингвистических дисциплин. Пока этого нет, собственно лингвисти-

ческим построениям суждено оставаться на относительно низком уровне обоснованности.

Поэтому следует без особых иллюзий воспринимать данные, полученные сугубо лингвистическим путем, т.е., грубо говоря, исключительно с опорой на языковую интроспекцию, – в частности, формулировки, предложенные в настоящей работе. Это не более чем поисковые, отчасти несколько спекулятивные, рассуждения; они приводят к сугубо предварительным формулировкам, которым наука о языке еще должна дать интерпретацию во ввелингвистических областях. Если обратиться в поисках аналогии к математической практике, то можно сказать, что рассуждения, представленные здесь и им подобные, относятся не к собственно решению некоторой задачи, а к способам поиска решения задач; тем самым, такие рассуждения носят ЭВРИСТИЧЕСКИЙ характер*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В.Г. 1988 – Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
- Апресян Ю.Д. 1985 – Принципы описания значений граммем // Храковский В.С. (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Апресян Ю.Д. 1995 (1980) – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст" // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бибок К. 1996 – Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // ВЯ. 1996. № 2.
- Болдулаевский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Бондарко А.В. 1971а – Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко А.В. 1971б – Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А.В. 1996 – Теория инвариантности Р.О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // ВЯ. 1996. № 4.
- Вехицкая А. 1985 (1980) – Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Вехицкая А. 1996 – Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. / Отв. ред. – М.А. Кронгауз, вступ. ст. – Е.В. Падучева. М., 1996.
- Гловинская М.Я. 1989 – Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Гловинская М.Я. 1996 – Две загадки *praesens historicum* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика (К 60-летию А.А. Зализняка). М., 1996.
- ГПРЯ 1997 – Глагольная префиксация в русском языке. Сборник статей. М., 1997.
- ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Зализняк А.А. 1990 – Об одном употреблении презенса совершенного вида ("презенс напрасного ожидания") // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Кириков А.Е., Богданова Е.А. 1995 – Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // ВЯ. 1995. № 3.
- Кошелев А.Д. 1988 – О референциальном подходе к изучению семантики вида // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Кошелев А.Д. 1996 – Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. I (Спорное в лингвистике). М., 1996.
- Мельчук И.А. 1995 – Толково-комбинаторный словарь русского языка // Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". Москва – Вена, 1995.
- Мельчук И.А. 1997 – Курс общей морфологии. Том I. Введение и Часть первая: Слово. М., 1997.
- Новак П. 1983 – О несостоятельности основных положений концепции общего значения в грамматике //

* Я благодарен Л.Н. Иорданской, А.Е. Кирикову, А.Д. Кошелеву, И.А. Мельчуку, а также рецензентам редколлегии "Вопросов языкознания" за чрезвычайно ценные и важные замечания к первоначальному варианту данной работы. Некоторые замечания были столь серьезны, что сначала я решил отложить работу в долгий ящик – в надежде когда-нибудь довести ее до полностью удовлетворяющего меня вида, однако в силу "экстраординарных" обстоятельств вынужден был отменить свое решение. Таким образом, при доработке статьи я сумел учесть не все из принятых мной замечаний читателей первоначального варианта.

Я признателен также Н.Н. Перцовой за помощь в выработке формулировок некоторых частных значений граммем.

- Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Падучева Е В 1996 – Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Перцов Н В 1996а – Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ. 1996. № 4.
- Перцов Н В 1996б – О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1 (Спорное в лингвистике). М., 1996
- Перцова Н Н 1988 – Формализация толкования слова. М., 1988.
- Плаунгян В.А., Рахилина Е.В 1996 – Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- СмИ-32 1991 – Семиотика и информатика. Вып. 32 (Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка) / Ред. Апресян Ю.Д. М., 1991.
- Шатуновский И Б 1996 – Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996
- Широкова А Г 1983 – Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Якобсон Р О 1972 – Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Comrie B 1985 – Tense. London, 1985.
- Galton H 1976 – The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1976.
- Haiman J 1985 – Natural syntax: iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Jakobson R 1936 – Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // TCLP. VI. 1936.
- Meščuk I A 1994 – Cours de morphologie générale. V 2. Pt. 2. Significations morphologiques. Montréal, 1994.
- Meščuk I A 1995 – Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст. Москва, Вена, 1995.
- Meščuk I A, Clas A, Polguère A 1995 – Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire. Louvain-la-Neuve, 1995
- Reichenbach H 1947 – Elements of symbolic logic. N.Y., 1947.